

**8 мая — День освобождения Германии
от гитлеровского фашизма**
**9 мая — Национальный праздник
народов Чехословакии**

«Девочка и мальчик»

Из интервью
Клауса Хёпке

— На X съезде СЕПГ Эрих Хонеккер назвал ГДР читающей страной. Он привел в подтверждение несколько цифр. В прошлом году вышло в свет 6 тысяч названий книг общим тиражом 150 миллионов экземпляров. Это 8 различных книг в год на каждого читателя. По международным стандартам — весьма значительная цифра.

Теперь о новинках художественной литературы. Назову прежде всего книгу Макса Вальтера Шулца «Летчица». Продолжение его известной новеллы «Солдат и женщина», переведенной на русский. Затем два романа, получивших широкий читательский отклик: «Играющая гармонь» Бернгарда Зе-

М. МАКСИМОВ,
спец. корр. «ЛГ»

ТРИ главы из одного путеводителя

Премьеры
ГДР

гера и «Проклятый и любимый» Гельмута Заковски, а также исторический рассказ Эрика Нойна «Форстер из Парижа» — о последних днях Французской революции.

Современная тема представлена в солидном сборнике рассказов Герхарда Фольц-Баумерта «Присутствие обязательно».

Юным читателям адресована повесть «Девочка и мальчик» Гюнтера Герлиха, автора известного в Советском Союзе романа «Извещение в газете».

В ЭТОМ особняке на улице Мейковского жил первый премьер-министр ГДР Отто Гротеволь. А теперь по решению правительства «Отто-Гротеволь-хауз» передан берлинским писателям. Когда мы пришли сюда, пресс-конференция Гюнтера Герлиха уже началась. Его интервьюеры — восьмиклассники одной из берлинских школ с пристрастием допрашивали автора «Девочки и мальчика» и «Извещения в газете». Вопросы сыпались градом. Воспроизвожу их в том виде, в каком успел записать.

— Товарищ Герлих, вы написали книгу о первой любви. Об этом много написано в мировой литературе. Что же заставило вас взяться за тему, казалось бы, давно решенную?

— Я думаю, что эта тема никогда до конца решена не будет. Речь ведь идет не о математической задаче, а о проблемах нового поколения, а оно во все времена приносит в общечеловеческую мораль что-то свое, присущее только ему и той социальной среде, в которой оно живет и любит.

— Тогда скажите, чем отличается любовь Ромео и Джульетты от чувств, переживаемых героями вашей книги?

— Ромео и Джульетта так и не соединились друг с другом, потому что общественные отношения не позволили им это сделать. Для моих героев таких препятствий нет.

— А если взять наше поколение и наше? В чем здесь различие?

— Разница существует, и в этом кроется причина того, почему я решил написать именно эту книгу. Я думаю, что нынешняя молодежь ГДР в вопросах любви более свободна, нежели наше поколение в ваши годы. Считаю это шагом вперед в развитии личности. Важно только не переступить грань, которая ведет к вседозволенности и пошлости. В сущности, сейчас осуществляется то, что предсказал Энгельс в своей известной работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». И как коммунист, я такую тенденцию, такой неконсервативный взгляд поддерживаю.

— А как отец?

— Это другой вопрос. Более сложный, поскольку всегда легче быть антиконсерватером в том, что тебя лично не касается. Но моя книга навеяна как раз моим собственным отношением к дочери. Сейчас ей 23 года, она уже мать двоих детей. Но когда-то между нами тоже не было нужного взаимопонимания, и повинны в том были мы оба. Я, наверное, больше.

— А как ваша дочь отнеслась к книге?

— Время сделало свое дело. Будучи сама матерью, она уже не так остро ощущала былые тревоги и волнения. Помню, она читала книгу уже несколько отстраненно, не проецируя все происходящее на себя. Может быть, в тот момент она уже думала о своих дочерях?

Вот так они еще долго и серьезно беседовали, писатель и его юные читатели, касаясь самых неожиданных тем. И мне под занавес ничего не оставалось, как задать совсем не детский вопрос: как

Это лишь беглые зарисовки того, что довелось увидеть в начале нынешнего года в ГДР. Друзья из еженедельника «Горизонт» помогли в предельно короткий срок познакомиться с некоторыми приметами культурной жизни республики. А общую картину дополнил заместитель министра культуры ГДР Клаус Хёпке, беседа с которым стала как бы путеводителем, позволяющим представить себе обширную духовную работу страны в минувшем году. Из всех разнообразных глав этого путеводителя наш корреспондент выбрал три.

читательство на один год». И этот год проходит на экране.

Герман Чохе — режиссер так называемого среднего поколения. Он сделал уже более 10 фильмов. Сценарий его новой картины написан по одноименному роману Т. Шульце-Герлах, роману почти документальному. И режиссера больше всего заинтересовал образ самой героини. Собственно, ради нее, по его словам, он и взялся за эту работу. Повезло ему и с исполнительницей, прекрасной актрисой Катариной Зас, которая сумела передать мятущуюся душу женщины, жаждущей личного счастья. Но какой ценой!

Критика высоко оценила фильм, отмечая остроту постановки вопроса, его злободневность, отсутствие какой бы то ни было риторики, в которую так легко было впасть. На кинофестивале в Западном Берлине картина была отмечена специальным призом.

Хотя есть и другие отзывы. Известный рецензент из еженедельника «Зоннтаг» считает, например, что в фильме очень уж принижены, даже окаррикатурены те, кто окружает главную героиню. Словом, получилась картина, о которой спорят, а это уже немало стоит.

«Барабанный бой в ночи»

Из интервью
Клауса Хёпке

— В последнее время в республике отмечается большой интерес театров и зрителей к нашему классическому наследию. Дело не только в том, что нынешний год — год Гете, 150-летие со дня смерти которого мы недавно отметили. Главное в том, что великие гуманистические идеи нашей классической литературы становятся понятными и близкими нашей молодежи. Вот почему вторая часть «Фауста», очень сложная и, казалось бы, не поддающаяся инсценировке, поставлена сразу в четырех театрах. Кстати, самое удивительное, на мой взгляд, сценическое воплощение получила она в театре города Шверина. Там, кроме того, поставлена и одна из ранних пьес Брехта, неизвестная нашему зрителю.

Что касается современной темы, то должен сказать, что здесь пальма первенства принадлежит советским авторам, таким, как Розов, Тендряков, Гельман, Арбузов, Вампилов, и другим. Их имена можно встретить на афишах чаще, чем имена драматургов ГДР. Театральные деятели считают, что советские пьесы ставят общие для нас проблемы гораздо острее, и потому охотнее берутся за их постановку. Но это так, в порядке самокритики. А вообще-то 10 миллионов посетителей в год — это, согласитесь, весьма высокий показатель интереса зрителей к театрам республики.

ШВЕРИН знаменит своим озером, замком мекленбургских герцогов, старинным готическим центром города, восстановленным и нарядно покрашенным. А еще он знаменит своим театром, здание которого хотя и моложе старого города, но скоро отметит свое столетие.

Давали Брехта. На афишах значилось: «Барабанный бой в ночи», Премьера ГДР». Вот почему из Берлина съехало много гостей — режиссеров, актеров, критиков, журналистов. Это одна из первых пьес великого драматурга, который сам сказал о ней так: «Читая III, IV и V действия «Барабанный бой в ночи», я испытал такую неудовлетворенность, что уже думал, не отбросить ли вообще эту пьесу. И только мысль о том, что литература принадлежит истории и что историю нельзя фальсифицировать... удержала меня от этого аутодафе».

...Берлин, январь 1919 года. Огромной кирпичной стеной отгорожены два взаимно ненавидящих друг друга мира. Один расположился в шикарном ресторане «Пикадили-бар». Это спекулянты, нажившиеся на войне. Другой — там, за стеной, где грохочут барабаны революции и откуда доносится шум уличного боя. Таков исторический фон, в который влетает драматургия пьесы. И главное в ней — история «вознесе-

ния» в мешанское болото Андреаса Крагера, человека, для которого «своя рубашка ближе к телу» и который предаст своих друзей и революцию.

Пьеса, очищенная профессиональной рукой режиссера Кристофа Шрота от наслонений времени, от некоторого схематизма и художественной незавершенности, на которую откровенно указывал сам Брехт, предстала на сцене театра Шверина остро современной и политически значимой.

Крагер показан мне сродни нашему Присылкину, только еще обнаженной, еще страшной. Там, за стеной, летит кровь рабочих-спартаковцев, а здесь, дворовый наконец до своей двупалубной кровати, Андреас разлагается: «Моя плоть должна истечь в канаве ради того, чтобы ваша идея вознеслась в небеса?» И крутит, крутит ручку миниатюрной шарманки, извлекая из нее мелодию... «Интернационала». Такой бичующей метафорой заканчивается этот неординарный спектакль.

После премьеры я встретился в фойе с победившим от усталости исполнителем главной роли Вольфом-Дитером Линком и спросил, как он считает: его герой — бывший революционер или псевдореволюционер?

— Андреас — псевдогерой. Он играл в революцию, как играет на своей шарманке. Такие, быстро приспосабливаясь к политической ситуации, служили чуть позже фашизму. Кстати, наш драматург Фолькер Браун решил продолжить пьесу Брехта, дописав к ней VI акт. И вот логика развития образа приводит Крагера в стан убийц Розы Люксембург, а затем к штурмовикам Гитлера. Так что современность этого раннего произведения Брехта — в его обличении бездуховности.

Директора театра Фрица Вендриха и режиссера Кристофа Шрота я попросил объяснить, в чем особенность их коллектива и почему о нем так много говорят и пишут. Как люди скромные, они считают, что об этом должны судить другие, что их театр, как все окружные театры ГДР, состоит фактически из трех под одной крышей — драматического, музыкального и балетного. Вот, может быть, разве в том, сказал директор, что драматическая труппа готовит ежегодно до 20 новых спектаклей, из них 6—7 на современную тему? Или, может быть, добавил Кристоф Шрот, дело в практике наших «вечеров-открытий»? Скажем, «открытие Брехта», как назывался один из них. И он пояснил:

— В здании нашего театра есть два зала, а еще просторное фойе, а еще буфет. И вот мы превращаем все это в сценические площадки, и объявляем вечер одного автора, и показываем сразу около 10 его произведений. За последние 5 лет мы создали 4 таких «вечера». Сценарий брехтовского выглядел так: в большом зале — пролог «В ожидании Брехта». Два клоуна разговаривают с писателем о проблемах современной драматургии ГДР. Это длится 20 минут. Потом зрители, по своему выбору, расходятся по разным площадкам, где играют отрывки из «Доброго человека из Севуана», «Дней коммуны» и других пьес. Рядом показывают документальные фильмы о Брехте.

Первое действие длится с 19 до 21 часа. Потом большой перерыв, во время которого к зрителям приходят из-за кулис актеры и, вместе утоляя жажду и голод, делятся впечатлениями. В 22.30 начинается второе действие. На большой сцене идут «Семь смертных грехов». На малой — звучат баллады и песни молодого Брехта. Рядом — коллаж из «Махагоны» и «Трехгрошовой оперы». Наконец, финал — дискуссия о творчестве драматурга.

Таким образом, заключает Шрот, театр становится местом общения в буквальном смысле слова.

Здесь следует сказать и об особенностях творческого почерка самого режиссера. Его смелые, нетрадиционные поиски театральной эстетики, его идейные и политические концепции снискали ему уважение и авторитет в ГДР. По словам директора, он напоминает спортсмена, стремящегося установить рекорд округа, но в результате бьет рекорд республики.

Так было и с последней премьерой. «Барабанный бой в ночи» не ставился ни в одном театре ГДР, даже в «Берлинер ансамбле». А теперь, после того как пьеса вышла в Шверине, Шрота пригласили поставить ее и в столице.

— Знаете, почему я хотел поставить эту пьесу прежде всего здесь? Да потому, что наш зритель в течение 10 лет знакомился с творчеством Брехта и был подготовлен к тому, чтобы увидеть одно из его первых произведений. Мне оно представляется наброском к полотну, которое автор не успел написать. Но и набросок — это часть нашего наследия, и им надлежит серьезно заниматься.

Вот эта серьезность в сочетании с увлеченностью позволили Кристофу Шроту вдохнуть новую жизнь в известные и малоизвестные пьесы великого драматурга, продолжавшие сражаться с пошлостью, обывательщиной, со всем тем, что мешает двигаться вперед.

БЕРЛИН — ШВЕРИН — МОСКВА